

О. А. ГОКОВ

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТЕЙ ОФИЦЕРОВ В ИХ МЕМУАРАХ

НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ
О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828–1829 гг.

В статье проведен сравнительный анализ воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау о кампании 1829 г. в Европейской Турции, выявлены основные сходства и различия в мировоззренческих позициях офицеров, охарактеризованы их причины. Разница в статусе, возрасте и воспитании четко отразилась в мемуарах, что дает исследователю возможность отобразить личности офицеров, даже не прибегая к иным источникам.

Ключевые слова: мемуары, русско-турецкая война 1828–1829 гг., мировоззрение, офицеры, психология личности, николаевская эпоха.

Мемуарные источники¹ представляют собой кладезь информации, и от исследователя зависит степень ее раскрытия и реализации. До недавнего времени отечественные историки рассматривали мемуары преимущественно с фактографических позиций и одной из основных задач ставили выяснение «партийности»² их авторов. Параллельно указанный вид источников изучали литературоведы, культурологи и пр. Однако каждый специалист видел в нем лишь «свою» узкую часть, связанную с его отраслью знаний. С 1970-х гг. ситуация постепенно изменяется.

¹ Мемуары (франц. «*mémoires*» – «воспоминания») – записки современников, повествующие о событиях, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев. Исходя из разного наполнения понятия (см., например: *Григорьева*. 1984. С. 271), под мемуарными источниками мы понимаем воспоминания, дневники и автобиографии. Зачастую их относят к источникам личного происхождения (о развитии содержания терминов «мемуары», «мемуаристика» и этапах изучения мемуарного наследия см.: *Блуднова*. 2007. С. 9–18; *Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева*. 1998. С. 466–488; *Словських*. (время доступа 24.01.11); *Любовец*. (время доступа 24.01.11); *Миц*. 1979. № 6. С. 55–70; *Ясь*. (время доступа 24.01.11). В тексте работы, во избежание тавтологий, мы (если это не оговорено) используем термины «мемуары» и «воспоминания» как синонимы.

² Идейная направленность философии, общественных наук, литературы и искусства, выражающая интересы определенных классов, социальных групп и проявляющаяся как в социальных тенденциях научного и художественного творчества, так и в личных позициях ученого, философа, писателя, художника. Также – принцип поведения людей в политической жизни.

Учеными начинает активно разрабатываться новый подход к мемуарам, который предполагал исследование их как «остатков» породившей их общественной среды, как памятников идейного движения и исторической мысли эпохи своего создания³. С 1980-х гг. мемуарные источники в СССР стали объектом исследования психологии, политологии, социологии. В практику их изучения все больше входит междисциплинарный подход, предполагающий использование при анализе методов различных наук и позволяющий раскрыть в них новые грани.

Долгое время считалось, что «слабой» стороной мемуаров является имманентно присущая им субъективность, так как изложение в них осуществляется под влиянием позиции автора и «провалов» в его памяти, что неизбежно приводит к искажению прошедшей реальности. Однако подобная «слабость» весьма относительна, так как именно на ее основе возможно исследование личности автора мемуаров, его идейно-политических пристрастий и интересов, причин его тенденциозности. Она открывает новые горизонты для исследования психологического климата эпохи, влияния различных факторов на формирование мировоззрения человека, его ценностных установок, особенностей восприятия им окружающей действительности как в статике, так и в динамике. По меткому замечанию Е. Ю. Блудновой, характерная для мемуаров субъективность лишь усиливает необходимость научно-критического подхода к ним, но не уменьшает возможность их использования в исторических исследованиях и не оправдывает скептической их оценки как недостоверных источников некоторыми историками⁴.

Цель нашего исследования заключается в попытке проследить, как в мемуарах проявляются личностные черты их авторов. В качестве источников нами взяты воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции генерал-майора А. И. Михайловского-Данилевского и прапорщика Ф. Ф. Горнау.

Вопросы межкультурного взаимодействия и взаимовосприятия русских и турок во время войны подняты Б. П. Миловидовым⁵. Это на данный момент единственное исследование по русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в котором предметом изучения стали мемуарные источники. Правда, указанного автора занимал лишь один аспект: отображение взаимоотношений между воюющими народами. Анализируя рас-

³ *Гартаковский*. 1979. № 6. С. 71.

⁴ *Блуднова*. 2007.

⁵ *Миловидов*. 2009. С. 163–185.

сказы Ф. Ф. Торнау о турках, Б. П. Миловидов допустил некоторые неточности при характеристиках самого прапорщика и его взглядов.

В историческом контексте ценность мемуаров барона была затронута в работах С. Э. Макаровой и Г. А. Дзидзария⁶. Они интересовали их главным образом как биографов Ф. Ф. Торнау. Что до «Записок» А. И. Михайловского-Данилевского, то они были предметом глубокого анализа еще в меньшей степени. Пожалуй, лишь Л. Г. Бескровный обратил на них пристальное внимание⁷. Но он использовал только воспоминания, относившиеся к войне 1812 г. Информацию генерала широко привлекал в своей работе А. В. Фадеев⁸. Однако она служила лишь иллюстрацией к исследуемой им проблеме.

Воспоминания указанных авторов взяты неслучайно. Несмотря на их однородность в видовом отношении, внутренне они разнородны. Общим является то, что оба мемуариста были офицерами, представителями высшего сословия, оба участвовали только в кампании 1829 г. в Европейской Турции, оба писали мемуары на основе личных наблюдений и рассказов вторых лиц. В какой-то степени их объединяет и то, что оба офицера занимали штабные должности. Однако внутренне и даже внешне это равноуровневые источники, на которых лежит четкий отпечаток личностей авторов. Война стала своего рода знаковым событием, «спусковым механизмом», оставившим у мемуаристов яркие впечатления и «выпустившим наружу» их личностные характеристики. Поэтому, прежде чем переходить к анализу, необходимо сказать несколько слов о жизненном пути А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау.

А. И. Михайловский-Данилевский родился в 1789 г. и получил чисто светское образование: он окончил училище Св. Петра в Санкт-Петербурге, пансионат у преподавателя Ж. Мореля, поклонника французских философов-просветителей (что отразилось на его мировоззрении), университет в Геттингене. Одновременно он проходил службу в банке и дослужился до чина коллежского секретаря. В 1812 г. он пошел в петербургское ополчение адъютантом возглавившего его М. И. Кутузова. Занимая штабные должности, Михайловский-Данилевский участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях, был тяжело ранен и уехал из армии. В 1813 г. он вернулся по приглашению Кутузова и состоял при нем, ведя штабную переписку и журнал военных действий. После смерти фельдмаршала его переводят в свиту Его Императорского

⁶ Дзидзария. 1976; Макарова (время доступа: 03.01.11); Макарова. 2000. С. 5–30.

⁷ Бескровный. 1957. С. 290, 307–309.

⁸ Фадеев. 1958.

Величества по квартирмейстерской части с переименованием из титулярных советников в штабс-капитаны. В августе 1814 г. он был причислен к созданному гвардейскому Генеральному штабу, а в 1815–1818 гг. сопровождал императора Александра I во всех его внешних и внутренних поездках, получив чин полковника и назначение флигель-адъютантом. В 1823 г. Михайловскому-Данилевскому был пожалован чин генерал-майора с назначением командиром 3-й бригады 7-й пехотной дивизии, квартировавшей в Полтавской губернии, а с 1826 г., по прошению в связи с болезнью, его назначили состоять по армии, т.е. без определенного места службы. Вне сомнения, это было связано с тем, что Михайловский-Данилевский был знаком со многими декабристами, выступления которых были недавно подавлены, и частично разделял их взгляды. В 1829 г. он был назначен в действующую армию, где занимал должность командира 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, а затем дежурного генерала 2-й армии⁹. В дальнейшем, А. И. Михайловский-Данилевский участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., после чего активно занялся деятельностью мемуариста и историка, опубликовав свои воспоминания о кампаниях российской армии в 1812–1813 гг., а затем, по распоряжению Николая I, начал описание всех войн царствования Александра I, закончив исследование по семи из них¹⁰. Параллельно им было издано 6 томов биографических записок «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах». Указанные исследования принесли ему славу придворного историографа, что в советское время сыграло с его наследием «злую шутку». Его жизненный путь практически не изучался, а мемуары (опубликованные после смерти в разных журналах отдельными частями) преподносились как источник, заслуживающий серьезной научной критики за субъективность именно из-за статуса «придворного историографа». Умер генерал в 1848 г., от холеры¹¹.

Ф. Ф. Торнау происходил из дворянства Померании, родился в 1810 г., т.е. был на 31 год младше А. И. Михайловского-Данилевского – разница в возрасте, которая нашла отражение в воспоминаниях, пусть и писали они их, находясь примерно в одних годах. Окончив Благородный пансион при Царскосельском лицее, Торнау молодым юношей без

⁹ Дежурный генерал – должностное лицо при штабе действующей армии, заведовавшее делопроизводством по личному составу, хозяйственной, санитарной и судной частями.

¹⁰ Подробнее о создании «Описаний» см.: *Малышкин*. 2000. С. 306–317.

¹¹ *Сапожников*. 1997. № 5. С. 45–48; URL: <http://ru.wikipedia.org/> (время доступа 03.01.11).

специальной военной подготовки, в звании прапорщика, попал на фронт русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Числясь в 33-м Егерском полку, он прошел кампанию 1829 г. в Маловалахском отряде Ф. К. Гейсмара офицером Генерального штаба, непосредственно участвуя в боевых действиях. После окончания войны он был причислен к Генеральному штабу, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., служил на Кавказе, а с 1856 по 1873 гг. занимал должность военного атташе Российской империи в Австрии, куда затем переселился с женой на постоянное жительство. Умер он в 1890 г. в городе Эдлиц в Нижней Австрии, оставив после себя богатую литературу. В основном, это воспоминания и размышления о прожитой жизни¹², «Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау» (о службе военным агентом в Австрийской империи)¹³.

Как видим, оба автора прожили богатую, но совсем разную жизнь, что не могло не отразиться на их мировоззрении и в анализируемых нами источниках. Их мемуары были созданы примерно в одном возрасте, хотя и в разное время. А. И. Михайловскому-Данилевскому было около 40 лет, когда он попал на войну и вел там свой дневник (журнал, как тогда именовали дневниковые записи), на основе которого впоследствии были написаны воспоминания. Сложно сказать, когда именно это произошло, поскольку опубликованы они были Н. К. Шильдером только в 1893 г. в «Русской старине»¹⁴. Но, учитывая, что умер их автор в возрасте 59 лет, нетрудно предположить, что случилось это в промежутке между 40 и 59 годами. Ф. Ф. Торнау попал на войну в возрасте 18 лет, но свои воспоминания писал во второй половине 1850-х гг. (на что есть косвенные ссылки в тексте), а закончил в 1866 г. (опубликованы они были в 1867 г.¹⁵), то есть в возрасте от 40 до 50 лет. Такое совпадение дает нам возможность лучше проанализировать личности самих авторов, поскольку показывает их способность к критическому восприятию прошлого, изменения их мировоззренческих установок на одном

¹² Указанные работы в начале XXI в. были изданы в двух книгах: *Торнау*. 2002. Мы будем использовать вариант воспоминаний о кампании 1829 г., размещенный на сайте: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm> (время доступа: 03.01.11) (*Торнау*. 2002. С. 11–128).

¹³ *Торнау*. 1897.

¹⁴ Записки... 1893. Нами будет использоваться вариант, размещенный на сайте: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm> (время доступа 03.01.11).

¹⁵ *Русский вестник*. 1867. Т. 69. № 6. С. 409–487; Т. 70. № 7. С. 5–64. В использованном нами тексте ошибочно указано, что впервые воспоминания были опубликованы в «Русском вестнике» в 1869 г. (С. 128). На самом деле в этом году в журнале были изданы записки Ф. Ф. Торнау о его службе на Кавказе – «Воспоминания о Кавказе и Грузии».

возрастном промежутке. Следует также заметить, что факт написания мемуаров офицерами в разное время позволяет исследователю проследить взгляды людей разных поколений как в возрастном (в войне, напомним, они принимали участие, имея разницу в 22 года), так и в историческом плане¹⁶. А. И. Михайловский-Данилевский был в основном человеком времени Александра I¹⁷, а Ф. Ф. Торнау начал жизнь в «николаевскую эпоху»¹⁸, а писал воспоминания, находясь уже под влиянием «эпохи реформ» Александра II¹⁹. Очевидно, что прапорщик был «результатом» николаевского правления в том смысле, что неприятие многого из происходившего тогда сформировало его умеренно-либеральные убеждения, которые в полной мере реализовались в годы царствования императора-реформатора Александра II. В 1829 г. судьбы этих двух людей разных поколений пересеклись одним большим событием. И тем интереснее становится их сравнительный анализ.

Из текстов видно, что Михайловский-Данилевский и Торнау представляли собой яркие противоположности. Сочинение Михайловского-Данилевского – это воспоминания, базирующиеся на дневниковых записях, которые автор вел в ходе кампании 1829 г. Работа же Торнау – это воспоминания в полном смысле слова²⁰, поскольку писались они по прошествии не одного десятка лет, автору свойственен критический подход к своим поступкам, анализ событий. Ни того, ни другого мемуары Михайловского-Данилевского не содержат.

Авторы попали на войну в разном чине и возрасте, что, естественно, наложило отпечаток не только на их личную судьбу, но и на восприятие войны. При этом следует помнить, что их воспоминания – это, прежде всего, воспоминания офицеров об офицерской жизни на войне

¹⁶ Детальнее тот жизненный (социально-экономический, политический, духовный) контекст, в котором жили и творили мемуаристы можно проследить в работе Н. А. Троицкого (*Троицкий*. 1999.)

¹⁷ Об этой эпохе см.: *Архангельский*. 2005; *Труайя*. 2003; *Цветков*. 2005.

¹⁸ О неоднозначности подходов к этому времени (1825–1855 гг.) могут свидетельствовать публикации последних лет (*Высочков*. 2006; Николай I и его время. 2000; *Тарасов*. 2006. С. 3–65). На наш взгляд, консерватизм правления Николая I (при всех достоинствах и недостатках его как человека и политика) очевиден. И именно неприятие этого консерватизма, в чем-то доходившего до косности, и породило его резко негативную оценку среди части российского общества еще в XIX в., которая была гипертрофирована в советской историографии.

¹⁹ О правлении Александра II см.: *Ляшенко*. 2002.

²⁰ И. В. Григорьева отмечала: «Для историка наибольшую ценность представляют именно такие воспоминания, где автор... сам четко разграничивает “былое”, каким оно виделось ему в момент совершения событий, и свои “думы” об этих событиях в свете нового жизненного и исторического опыта» (*Григорьева*. 1984. С. 283).

и, соответственно, офицерский взгляд на последнюю, с той лишь разницей, что мемуары Михайловского-Данилевского представляют взгляды части высшего командного звена, а Торнау – низшего, более многочисленного и несшего на себе основную нагрузку. Михайловский-Данилевский был к 1829 г. зрелым сорокалетним человеком, имевшим опыт участия в Отечественной войне 1812 г., заграничных походах 1813–1814 гг. и генеральский чин. Поэтому он был назначен командиром 2-й бригады 4-й пехотной дивизии во 2-ю армию, которая, собственно, и составляла действующую армию на Балканском театре, находившуюся в Валахии²¹. Большую часть времени он провел, участвуя в осаде турецкой крепости Журжа, в боевых действиях участия не принимал, лишь наблюдал одну небольшую стычку со стороны²². С августа 1829 г. Михайловский-Данилевский занимал должность дежурного генерала при штабе действующей армии. Торнау же попал на театр войны совсем юным 18-летним прапорщиком. Он принимал личное участие в боевых действиях, пережил все «прелести» войны, находясь на низших штабных должностях (что, кстати, расширило круг виденного им, поскольку в силу служебных обязанностей он находился не только в своем отряде). Поэтому его воспоминания более яркие, красочные, а война в них – не сплошной подвиг, а тяжелый и опасный труд.

В анализируемых мемуарах отчетливо проявилась индивидуальность авторов, которая наложила отпечаток на восприятие ими действительности и отразилась на ее отображении в произведениях.

А. И. Михайловский-Данилевский в своей работе предстает образчиком европейского аристократа-монархиста. В ней ярко проявилось то, что современный исследователь мемуарного жанра О. В. Мишуков охарактеризовал как слияние «русского классицизма и романтизма при общей реалистической ориентации произведений»²³. Его труд сплошь усеян высокопарными словами о долге, чести, отечестве, причем, как видно из текста, для него они не были пустым звуком. В понимании генерала главная цель жизни – служение царю и родине. При этом идеи личной славы также были ему не чужды. «С растерзанным сердцем я простился

²¹ Историческая область на юге современной Румынии. До создания в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Румынского княжества (независимо от Османской империи с 1878 г., с 1881 г. – королевство) считалась самостоятельной историко-культурной единицей (Военный энциклопедический лексикон. 1839. Ч. 3. С. 28–30). Со второй половины XIX в. – юго-западная часть Румынского королевства, отделенная на востоке и юге Дунаем от Добруджи и Болгарии, на северо-западе Карпатами от Трансильвании, на севере – Карпатами и рекой Милков от Молдавии.

²² Записки... 1893. № 8. С. 362.

²³ Мишуков. 2007. С. 208.

с семейством, – писал он об отъезде на фронт, – и если что мне приносило отраду в горькую минуту разлуки, то это была чистейшая любовь к отечеству; я хотел исполнить долг мой с возможным рвением, надеялся, что отблеск дел моих осенит благотворною тенью детей моих, и что имя, которое я им передам, будет уважено»²⁴. Правда, он иногда недоговаривал. Например, свое назначение в действующую армию генерал описывал, как нечто неожиданное, нарушившее все его планы: «я... был твердо уверен, что проведу жизнь, как частный человек, посреди семейства и сельских занятий; успокоенный таким образом насчет будущего, я делал предположения, чтобы провести приятно лето, как вдруг 1-го мая получаю официальное известие, что меня назначили командиром 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, и повеление немедленно отправиться в главную квартиру 2-й армии, действовавшей против турок и находившейся тогда в Валахии. Внезапность моего назначения сделала для меня еще труднее обыкновенного переход от сельской жизни к войне»²⁵. Однако сам же упоминал, что в 1828 г. просился в армию, но получил отказ²⁶. Михайловский-Данилевский искренне восхищался и благоговел перед императорской фамилией. Хотя очевидно, что отношение к Николаю I у него не было однозначным. Генерал не открытым текстом, но косвенно постоянно противопоставлял его Александру I, который приблизил его к себе и возле которого он провел много времени. Текст изобилует различными историями и анекдотами, связанными с покойным на тот момент монархом, не имеющими отношения к войне 1828–1829 гг. При всем этом, автор воспоминаний был достаточно откровенен, хотя резких оценок избегал, даже в чем-то осторожничал.

В мемуарах вырисовывается образ монархиста-консерватора²⁷, но с либеральным «оттенком». В этом контексте уместно привести замечание А. Г. Тартаковского, который исследовал мемуары генерала за период 1812–1815 гг. «В первые послевоенные годы, – писал историк, – он был близок к прогрессивной офицерской молодежи продекабристского толка, но по мере успешного совершения карьеры и “поправления” правительственного курса все более отходит от былых идеалов, а после 1825 г. отрекся от них вовсе»²⁸. Судя по тексту воспоминаний, Михай-

²⁴ Записки... 1893. № 7. С. 179.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 180.

²⁷ Об особенностях консервативной идеологии рубежа XVIII–XIX см.: Гусев. 2001; Корендяева. 2005; Либеральный консерватизм... 2001; Рахмилр. 1990; Репников. (время доступа 11.01.11).

²⁸ Тартаковский. 1991. С. 200.

ловский-Данилевский больше относит себя к консерваторам английско-го типа, для которых было важно «изменять сохраняя», нежели к тем «охранителям», поклонникам «хваленой старины, дорогой одним отсталым умам, привыкшим в невежестве и в произволе видеть ограждение общественного порядка, не понимая, что ими только и посеяно все существующее зло»²⁹. При этом, автор не лишен предубеждений, характерных для высшего сословия России и Европы XIX в. Михайловский-Данилевский представляет нам образец имперского мировоззрения той эпохи, типичного носителя колониального менталитета³⁰. В этом смысле интересны его рассуждения относительно молдавских бояр, переходящие в более глобальные обобщения.

«Молдавские бояре вовсе не упражняются в оружии, – отмечал он. – Турки даже не берут из княжеств³¹ рекрут для своей армии, а потому молдаване, будучи народ совершенно мирный, должны беспрекословно повиноваться своим повелителям и надежду свою избавиться когда-либо от турецкого ига возлагать не на могущее случиться восстание народное, а на содействие России. Я полагаю, что в некотором отношении политика Порты³² не давать оружия побежденным народам достойна подражания, и нам не следовало бы поляков и литовцев приучать к военному ремеслу или позволить им участие в войнах, ведомых Россиею. Тогда бы мало-помалу и постепенно исчезал в сих народах воинский дух. Наполеон презрел сие правило и был жестоко наказан за то, что он обучал военному ремеслу земли, принадлежавшие к Рейнскому союзу, которые при первых его неудачах на него же восстали. Покоривши Германию, лучше бы ему было оставить немцев при мирных и ученых занятиях их, чем образовывать их по примеру французской армии. Ежели бы теперь мы нашли в Молдавии войско или людей, служивших в турецкой армии, то нам легко бы было употребить их против Порты, и мы нашли бы в них надежных союзников, но так как в княжествах никого нет кроме мирных жителей, то мы и не можем сделать из них никакого военного употребления»³³.

Здесь мы видим взгляд практичного военного-империалиста, представителя «цивилизованной нации» на политику в отношении мелких или покоренных народов, взгляд, воспринятый от европейской культуры

²⁹ Торнау. 2002. С. 18.

³⁰ Колониальный менталитет. (время доступа: 03.01.11).

³¹ Термином «Дунайские княжества» или просто «Княжества» в рассматриваемое время объединяли Валахское и Молдавское княжества, находившиеся в вассальной зависимости от Османской империи.

³² Порта (также Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) (от франц. «porte», итал. «porta» – «дверь», «врата») – принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и Дивана) Османской империи и самого государства. Термин происходит от названия ворот, ведущих во двор великого визиря (тур. «Bâb-ı Âli»).

³³ Записки... С. 184–185.

высшего света того времени. Мир, в его понимании, разделен на народы «цивилизированные»³⁴ и «варварские». «8-го июня я переправился близ Могилева через Днестр, который составляет настоящую границу между просвещенным миром и полудикими странами, лежащими на правом берегу оногo... – описывал Михайловский-Данилевский свои впечатления от пересечения границ империи. – Не успел я переехать сию реку, как представились мне люди полунагие, с зверскими лицами, праздные, говорящие языком еще чуждым для муз, и необозримые степи, которыми я ехал до самого Прута»³⁵. Текст сквозит пренебрежением к тем, кого он не понимал, кто отличался от него по воспитанию, положению, культуре. В оценках автора явно ощутимо влияние французских просветителей типа Ф.-М. Аруэ, больше известного, как Вольтер³⁶:

«17-го июня я приехал в Бухарест, где провел два дня. Это не европейский город, улицы узки и смрадны, и покрыты народом с азиатскими физиономиями и говорящим языком, для меня не понятным... Истинною отрадою было для меня открытие книжной лавки, в которой я нашел большую часть сочинений, запрещенных в России, напр. “Memoires de Michel Oginski”, Las Cases: “Memorial de Sainte Helene”, “Memoires d'un homme d'Etat” и др. Увидя себя посреди книги, я начал дышать как будто знакомым воздухом. Казалось, что я переселился в Европу, ибо две недели странствовал по степям Бессарабии, Молдавии и Валахии и, видя повсюду непросвещение и варварство, я почитал себя вне Европы. Я встретил здесь несколько русских, которые все единогласно говорят, что нельзя себе вообразить, до какой степени развратны женщины; целомудрие есть добродетель неизвестная. Конечно, сему причиною не одни женщины, но и мужья их, проводящие жизнь в совершенной праздности и лени; они не занимаются ни службою, ни науками, а начинают и оканчивают жизнь на мягких диванах, окруженные табачною атмосферою; единообразию жизни их прерывается только по временам войнами, ведомыми между Россиею и Оттоманскою Портою»³⁷.

В отличие от Михайловского-Данилевского, Торнау придерживался умеренно-либеральных³⁸ и более реалистичных взглядов на жизнь, не скрывая, что «сам носился мыслями в одних сферах военной славы, наполнявшей мое воображение, не успевшее еще сковаться житейским опытом»³⁹. Т. Г. Шевченко в своем дневнике охарактеризовал Торнау после встречи с ним 8 октября 1857 г. как «либерала, прекрасно и не-

³⁴ О термине «цивилизация» и производных от него см.: *Февр.* 1991. С. 239–287.

³⁵ Записки... 1893. № 7. С. 182.

³⁶ О взглядах просветителей по этому вопросу см.: *Дюше.* 1970. С. 251–278.

³⁷ Записки... 1893. № 7. С. 190–191.

³⁸ О либерализме первой половины XIX в. см.: *Либерализм в России.* 1996; *Либерализм Запада...* 1995.

³⁹ *Торнау.* 2002. С. 18–19.

утомимо говорящего»⁴⁰. Будучи потомственным дворянином и военным, Торнау не был заражен болезнью «цивилизационного превосходства», характерной для многих представителей аристократии⁴¹. Именно в этой плоскости отчетливо проявилась разница поколений и личного опыта между Торнау и Михайловским-Данилевским. У последнего в отношении к неевропейцам ощутимо влияние французских просветителей, популярных в годы его молодости, а также отсутствие опыта контактов с азиатскими народами до 1829 г. Торнау же значительную часть жизни провел на Востоке и воспринимал местных жителей по-другому: он видел в них не «варваров», а людей с иными ценностями и стилем жизни. Интересно в этом отношении описание жителей Княжеств, навеянное знакомством с майором Соломоном, которое отличается от рассуждений Михайловского-Данилевского и даже противоречит им.

«Недалеко от сожженного Чернеца находился хутор майора Соломона, командовавшего валахскою милицией в последнюю войну. В народе он продолжал носить название служителя Соломона, принадлежавшее ему прежде достижения русского чина и крестов, которыми он был увешан: он начал свою карьеру простым арнаутом-служителем⁴², имевшим обязанность, стоя на запятках за коляской, возить чубук (длинная курительная трубка – О. Г.) боярина. Этот человек, с которым я встречался несколько раз в продолжение войны, всем русским был известен как непримиримый враг турок, человек энергический, храбрый до сумасшествия, жестокий и кровожадный в схватках с неприятелем, и хитрый на выдумку военных уловок. Прожив у него с Баумером (сослуживец Торнау – О. Г.) трое суток, мы узнали его совершенно с другой стороны. В домашней жизни он оказался самым мирным и добродушным человеком: был покорен жене, нежно любил детей и питал самую невинную страсть к птицам и к разного рода животным, которых он старался делать ручными. Эти противоположности нередко встречаются в характере старых вояков, испытывавших много опасностей и немало губивших людей: чем злее в драке, тем смиреннее они бывают в обыкновенном быту. Там, где не предстоит прямой опасности, нахальны лишь одни труссы. Соломон, румын чистого происхождения, доказывал собою, что мнение, будто все валахи неспособны к перенесению военных трудов и опасностей, довольно неосновательно. Жители нагорной Валахии не только хорошие стрелки, но и люди смелого характера. Неспособность к войне гнездилась не в народе, а в высшем классе румынов, деморализованных продолжительным угнетением со стороны турецкой власти и поверхностным, дурно направленным воспитанием, которое они получали в Вене и в Париже, знакомясь лишь с наружными формами европейской цивилизации»⁴³.

⁴⁰ Шевченко. 2003. Т. 5. С. 116.

⁴¹ О жизни и нравах российского дворянства первой половины XIX в. см.: Лотман. 2002; Яковкина. 2002.

⁴² «Арнаутами» турки именовали албанцев.

⁴³ Торнау. 2002. С. 123–124.

Хорошо характеризуют мировоззренческую позицию Торнау его зарисовки и размышления относительно турок⁴⁴. Разделяя их на «старых» и «новых», он с некоторой долей симпатии писал о первых, отзываясь о вторых с нескрываемым пренебрежением. Речь в данном случае шла об отношении к перманентным попыткам реформ по европейскому образцу в Османской империи на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в.⁴⁵ Оценивая их уже с высоты прожитых лет, он писал:

«В то время не было, кажется, образованных турок, а были турки старого покроя, обладавшие многими хорошими качествами, несмотря на их невежество, религиозный фанатизм и глубокое презрение ко всему чужому. Гостеприимство, честность и соблюдение данного слова считались у них качествами, без которых не должен обходиться добрый мусульманин. Они притесняли христиан из чистого невежества, считая каждого гяура не выше собаки. Теперь, говорят, просвещение проникло и в Турцию, чему я не верю, потому что исламизм не допускает истинного просвещения, подавляя каждую разумную мысль. Положение христиан в турецкой империи не изменилось к лучшему. Прежде их угнетали открытой силой; теперь угнетают путем обмана и изворотов, чему научило турок полуобразование, заменив былой фанатизм тупым безверием. Правосудие исчезло совершенно, и все хваленые реформы – басни, изобретаемые для забавы европейских правительств, якобы принимающих живое участие в судьбе турецких христиан»⁴⁶.

Оценивая этот отрывок, российский исследователь Б. П. Миловидов отмечал, что «за рассуждениями Торнау видны раздумья по поводу реформ 1860-х гг. в России – сдержанное отношение к ним вело автора к идеализации дореформенного уклада Османской империи»⁴⁷. Но, как следует из текста мемуаров в целом (да и из биографии офицера), это совсем не так. Торнау осуждал прежде всего бездумное заимствование и поверхностное копирование частью турецкой верхушки европейских образцов без соответствующей перестройки сознания и образа жизни. Он противопоставлял бездуховности «новых османов», которые отреклись от своей культуры, но не прониклись чужой, «старых» турок с их устоявшимися традиционными религиозными нормами общечеловечности. Однако эти нормы не являлись для него идеалом. Выделяя положительные составляющие в мировоззрении и быте людей традиционного общества⁴⁸, прапорщик при этом оценивал его как смесь «народного лег-

⁴⁴ См., напр.: С. 114–116.

⁴⁵ Подробно об этом см.: *Боджолян*. 1984; *Кинросс*. 1999. С. 449–489, 491–502; *Новичев*. 1968. Т. 2, 3; *Петросян*. 2003. С. 257–291.

⁴⁶ *Торнау*. 2002. С. 102.

⁴⁷ *Миловидов*. С. 178.

⁴⁸ Удачное определение «традиционного общества» предложил А. Д. Богатуров (*Современная мировая политика...* С. 48–49). Согласно ему, это общество, поведение

комыслия с турецким тупоумным деспотизмом»⁴⁹. По отношению к османскому дореформенному социуму он во многом солидаризировался с взглядами французских просветителей, видя в турках-мусульманах «старого покроя» непросвещенных фанатиков.

В противоположность генералу, Торнау в своих воспоминаниях предстает более серьезным и вдумчивым человеком, при этом честным и критичным по отношению к себе и окружающим. Если учесть, что оба офицера писали свои мемуары примерно в одном возрасте, то контраст в мировосприятии и мировоззрении еще более бросается в глаза. Хотя Михайловский-Данилевский был писателем, военным историком, его воспоминания тяжеловесны и «отдают» официозом. Язык Торнау более легкий для восприятия и лишен риторики и официозных клише. Реализм пронизывает всю его работу. Здесь содержится множество бытовых сцен и зарисовок, которые отражают восприятие мира человеком, писавшим их. Войну он изображал во всем ее многообразии. Здесь, наряду с ее ужасами, присутствуют чисто человеческие чувства – любовь, дружба, зависть. С одной стороны – идут боевые действия, людей убивают, они гибнут от чумы и лихорадки, повсюду разрушения, трупы людей и животных. А с другой стороны – веселые кутежи, ссоры между сослуживцами, примеры дружбы и товарищеских отношений, мимолетные романы, женская преданность и внутренний мир человека. Храбрость и трусость показаны не в романтическом цвете официальной пропаганды, а в их реальном воплощении. Контрастирующие их примеры – майор Соломон, о котором только что шла речь, и драгоман (переводчик) князь Судзо, «малорослый, горбатый, тонконогий, востроносый, умный, самолюбивый и прехитрый грек, говоривший на всех живых и мертвых языках, которому не доставало только футов двух лишнего роста да небольшого запаса храбрости, чтобы занять между нами очень видное место. Страх попасть туркам в руки и за службу у русских утратить еще верхнюю часть своего маленького роста, по шею, лишал его всех сладостей жизни. Поездка в темную ночь, без конвоя, по необо-

членов которого основано не на рациональном целеполагании, а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. «Основной мотив действия – следование уже известному образцу (“свой путь”), а не разуму (“умствование”). Модель поведения здесь задается культурным опытом, который выражается в изустной традиции, неписаных регламентах быта, религиозных катехизисах, сборниках изречений». В таком обществе «новации выступают в известном смысле “интуитивными прозрениями”, а не “интеллектуальными прорывами”. А сфера активности ограничивается контролем за соблюдением ранее определенных правил и норм».

⁴⁹ Торнау. 2002. С. 125.

зримым полям, на которых встревоженное воображение рисовало ему сонмы делибашей⁵⁰, алчущих его головы, вовсе не согласовалась с его животолюбивыми расчетами»⁵¹.

В воспоминаниях Торнау отсутствуют упоминания о царственных особах, придворных и вообще «высшем свете» империи (возможно, потому, что автор с ним на тот момент не сталкивался). Его герои – сослуживцы-офицеры и непосредственные начальники, а также простые солдаты, местные жители, те люди, с которыми он постоянно контактировал или общался по роду службы. Мемуары Торнау – это эпизод из военного быта младшего офицерского состава русской армии в войне 1828–1829 гг., «пропущенный» через личное восприятие автора. Торнау писал воспоминания не по свежим следам, что удачно подметила С. Э. Макарова: «“Воспоминания” Ф. Ф. Торнау писал уже в преклонном возрасте, с учетом не только житейского опыта, но и с учетом Времени, которое многие спорные вопросы ставит на свое законное место в истинном виде. Эта “ретроспективность” воспоминаний придает им характер аналитического произведения, где каждое событие, лицо или эпизод рассмотрены писателем с разных сторон и снабжены основательными выводами»⁵². Трезво, с высоты прожитых лет он оценивал свою жизнь во время кампании 1829 г., не обходя «острых углов», не скрывая мотивов действий, да и самих поступков, какими бы они ни были. Например, он откровенно писал, что в молодости был несдержан, стремился удовлетворить «любопытства, возбуждающиеся новизной предметов, являвшихся моим глазам, глядевшим на свет еще сквозь радужную призму школьного неведения»⁵³.

«Военную историю пишут обыкновенно по прошествии многих лет люди, не участвовавшие в описываемых делах, не знакомые с местом и обстоятельствами, не испытывавшие иногда ни военных трудов, ни ощущений, волнующих душу на поле битвы, а почерпающие описание фактов из сухих официальных донесений, редко обнаруживающих нагую истину, – отмечал он. – Для них участники в былых победах и неудачах имеют значение мертвой цифры, которую искупались известные результаты. Если бы пишущие историю всегда знали, через какие обстоятельства прошли эти деятели былого времени, каким раздирающим впечатлениям они подвергались, какие душевные страдания,

⁵⁰ От турецких слов «deli» – «сумасшедший», и «baş» – «голова»; так называли отряд кавалеристов личной охраны султана. В данном случае, видимо, подразумеваются иррегулярные части османской армии, отличавшиеся особой жестокостью по отношению к более слабому противнику.

⁵¹ Торнау. 2002. С. 90–91.

⁵² Макарова (время доступа: 03.01.11). С. 6.

⁵³ Торнау. 2002. С. 18.

какие сверхъестественные труды они перенесли, добываясь нередко самых ничтожных результатов, как бы иначе судили они о фактах, как бы иначе ценили людей боровшихся с природой, со смертью, трудившихся всю жизнь и умиравших в каком-нибудь забытом уголку земли с одним помыслом, с одною надеждой – исполнить долг солдата и сберечь народную славу!»⁵⁴.

В отличие от Торнау, Михайловский-Данилевский не был склонен к анализу своих поступков и опыта. Последнее, впрочем, можно объяснить дневниковостью воспоминаний. Однако, на наш взгляд, человек с таким жизненным опытом и широким складом ума, которыми обладал генерал, должен был быть более многогранен в своих записях.

Разницу взглядов авторов определили воспитание и личный жизненный опыт. Хотя оба они воспитывались в единой культуре, прививавшейся в учебных заведениях для знати, Михайловский-Данилевский в дальнейшем постоянно «вращался» в «высших кругах» общества. Даже участвуя в военных кампаниях, он видел их не изнутри, а снаружи, взглядом высшего офицера-аристократа, поскольку не познал жизни простых солдат и командиров. В то же время Торнау, получив образование, сразу попал в армию и дальнейший свой опыт приобретал на полях сражений, непосредственно участвуя в них. Здесь, видимо, сыграли свою роль и стечение обстоятельств, и воинские традиции, присущие семье Торнау. Ведь в 1829 г. он вполне мог пойти по стопам многих знатных офицеров, использовавших протекцию, чтобы добывать чины и награды, не участвуя в сражениях. Дело в том, что главнокомандующий действующей армией И. И. Дибич был женат на родственнице Торнау⁵⁵. При встрече он «дал ему два рекомендательных письма – к полковому командиру Старову и генералу Гейсмару – и отеческое наставление: “служить честно, не пить, не играть, избегать дурных знакомств”». Письма эти на начальном этапе его жизненного пути помогли закрепиться на служебном поприще, ибо слабый здоровьем и “тщедушный” с виду Федор Федорович вряд ли смог бы остаться в полку и мог быть отчислен по негодности к строевой службе. А служба – была его постоянной и страстной мечтой с раннего детства»⁵⁶. Неудивительно, что первый порыв молодого офицера оказался не в штаб, а в бой: он самовольно принял участие в десантировании авангарда отряда на турецкую территорию во время переправы через Дунай, где получил боевое крещение. Правда, родство с фельдмаршалом сыграло злую шутку с Торнау. С одной стороны, его пытались приблизить, завести с ним знаком-

⁵⁴ Там же. С. 87–88.

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Макарова. 2000. С. 11.

ство, а с другой стороны – обходили в чинах и наградах. «На представление Гейсмара о переводе меня в Генеральный штаб, – писал он, – не получалось ответа; награды за труды, понесенные в задунайский поход нашего отряда, которой удостоились все мои штабные товарищи, я был лишен. По этой причине, не только в полку, но и в дивизионной канцелярии признали, что главнокомандующий о мне не заботится, ничего для меня не делает и знать меня не хочет, следственно я не заслуживаю никакого особенного внимания и годен только, как каждый прапорщик, нести за старших всякую нелегкую службу»⁵⁷. Лишь в начале 1830 г. выяснилась причина такого решения высшего командования: «В начале февраля 1830 года... генерал Гейсмар выразил мне письменно свое непритворное сожаление о том, что ему не удалось доставить мне повышение и перевод в Генеральный штаб, следовавшие мне, по его мнению, за наш задунайский поход. Главнокомандующий отказал по трем причинам: потому что я был молод летами, с небольшим год на службе и в родстве с его женой. Вторично испытал я, что не во всех случаях выгодно для молодого офицера находиться в близком свойстве с главнокомандующим армией, в которой ему суждено служить»⁵⁸.

С точки зрения сравнения личностей двух офицеров интересно, как они видели свое участие в войне. Так, Михайловский-Данилевский считал, что в кампанию 1829 г. может снискать себе лавры, хотя, конечно, не непосредственно в бою, а в качестве командующего. Поэтому, прибыв на театр военных действий, был разочарован: «Я в Яссах наверное узнал, что моя бригада расположена при блокаде Журжи и следовательно имеет не блистательное назначение, ибо я полагал справедливо, что главная армия на Дунае будет пожинать лавры, между тем как мне суждено стоять в бездействии и может быть изредка отбивать вылазки турецкого гарнизона. Я не роптал на сие назначение, будучи в полной уверенности, что в продолжение войны, конечно, представится обширнейшее поприще деятельности»⁵⁹. Вообще анализ текста свидетельствует, что подсознательно Михайловским-Данилевским двигало именно желание личной славы, хотя он и писал: «при миллионе моих занятий, меня одушевляет мысль, что труды мои полезны могут быть детям – чего мне для самого себя остается желать? Честолюбие удовлетворено, а Юрьево (его имение – *О. Г.*), прекрасное Юрьево, обеспечивает старость мою. Я молню только Бога о детях и труды мои им посвящаю»⁶⁰.

⁵⁷ *Торнау*. 2002. С. 122.

⁵⁸ Там же. С. 128.

⁵⁹ Записки... 1893. № 7. С. 185.

⁶⁰ Там же. № 8. С. 387.

«В то время я еще не мог равнодушно видеть беспорядок, насилия, несправедливость и плутовство», – писал Ф. Ф. Торна⁶¹. Он не скрывал, что в действующую армию «отправился с богатым запасом молодости и надежд, но с довольно тощим кошельком»⁶². Однако уже участие в первом бою изменило взгляды молодого офицера.

«Сильный переворот произошел в моих мыслях, – писал он, рассказывая о том, как простые солдаты-добровольцы готовились к неизбежной для большинства из них смерти перед переправой через Дунай. – В несколько минут я переродился из ребенка в зрелого человека и постиг высокую обязанность образованного военного человека уравнивать долг повиновения с чувством сострадания к бедному человечеству, искать в деле не самолюбивого средства отличиться, а способ приложить способности и познания к облегчению зла, вызываемого войной. Палач или разбойник, а не воин, тот, кто без нужды и пользы, из честолюбия или из корыстолюбивых видов, проливает кровь подчиненных ему солдат и губит самого неприятеля без определенной цели, для умножения так называемой славы»⁶³.

Наконец, внутренний мир авторов хорошо иллюстрируют их описания местностей и городов, которые они посетили по пути на фронт и в ходе кампании (правда, здесь необходимо сделать поправку на относительную комфортность условий, в которых находился Михайловский-Данилевский, что позволяло ему «наслаждаться природой и видами»). Его воспоминания в этом отношении – образец романтического восприятия мира. При общей реалистичности описаний, их пронизывает дух романтизма. Этот подход отражал происходившие в 1820-х гг. изменения в стиле мемуарных произведений, когда эстетика романтизма потеснила литературные эстетические принципы классицизма, сентиментализма и просвещенной сатиры⁶⁴. Вот, к примеру, одно из них.

«8-го июня я переправился близ Могилева через Днестр, который составляет настоящую границу между просвещенным миром и полудикими странами, лежащими на правом берегу одного. Крутые и излучистые берега Днестра дают ему некоторое сходство с Рейном только с тою разницею, что на Рейне нет ни аршина земли не возделанной, между тем как рука человеческая почти никогда еще не прикасалась до земель, вдоль Днестра лежащих ... На сем пространстве я не встретил ни одного дерева, ни одного порядочного домика, ниже проезжих. Вдали от дороги мелькали иногда бедные селения, имевшие вид унылый и пустынный, ибо около них не было посажено ни одного дерева. Взамен здесь изобильнейшие луга, испещренные цветами, какие у нас растут только в садах; я тут видел желтые лилии, гелиотропы и тюльпаны. Над сими

⁶¹ Торнау. 2002. С. 98.

⁶² Там же. С. 11–12.

⁶³ Там же. С. 52.

⁶⁴ Томіліна. 2004.

неизмеримыми пустынями носились хищные птицы, ястребы и орлы и, следуя за полетом их, я рассеивал грустные мысли мои»⁶⁵.

Или вот другая путевая заметка:

«Я в этот день оставил Молдавию и ехал по Валахии верст восемьдесят. Взору ничего не представляется кроме неизмеримых степей, которые, подобно пространному морю, кажутся беспредельными. Глубокое молчание в оных прерывается только жужжанием миллиона насекомых, обитающих на тучных сих равнинах, которые только ожидают руки пахаря, чтобы вознаградить его сторицею за труд его. Изредка встречал пасущиеся (?) (так в тексте – *О. Г.*) или проходящего валаха, и это производило во мне удовольствие, равное тому, которое ощущаем, когда во время продолжительного морского плавания видим вдаль белеющиеся паруса... Из Челабии я продолжал путь мой по большой Бухарестской дороге и по причине усталости лошадей остановился ранее обыкновенного для ночлега, недалеко от деревни Которки. В этот день однообразнейший вид степей начал прерываться большими из камня высеченными могильными крестами и курганами, которые, может быть, суть памятники обитавших здесь, вдревле народов, погибших во мраке веков»⁶⁶.

Наиболее яркая характеристика, раскрывающая влияние романтического стиля на психологию автора и изложение им материала, сделана Михайловским-Данилевским по пути в штаб действующей армии.

«С Камчика начинаются настоящие Балканы, которые оканчиваются при селении Келелер. Сие пространство, верст на сорок, вмещает в себе более или менее крутых и каменистых гор, покрытых почти повсеместно дубовым лесом. Долины, ими образуемые, уступают швейцарским по красоте своей и по обширности; в них также нет водопадов, но недостаток сей заменяется видами на Черное море, которые в некоторых местах открываются. В рассуждении высоты, Балканы нельзя сравнивать с Альпами, но переход сих последних для войск не столько затруднителен, потому что по ним проложены дороги, гораздо удобнейшие, нежели через Балканы, где существуют только узкие тропинки, покрытые камнем... Когда я поднялся на самую вершину Балкана, то влево открылось все пространство Черного моря, а вправо хребет гор, на которых расположена Шумла; над облаками носятся стаи орлов; я остановился у прозрачного ключа и выпил стакан хрустальной воды в честь нашего оружия; меня в эту минуту одушевляло чувство народной гордости. Так ровно за 20 лет, безвестный юноша, я стоял на высотах Сен-Готарда, мечтая о величии Суворова»⁶⁷.

Характерно и описание местности, сделанное им после первой рекогносцировки:

«На другой день после обеда, я осматривал неприятельскую крепость со стороны Дуная. Сперва я приехал на нашу передовую казачью цепь, а миновав оную, приближался на весьма недалекое расстояние к турецким ведетам (ближайшие к неприятелю часовые в передовой цепи – *О. Г.*)... Тут подъехал я к самому

⁶⁵ Записки... 1893. № 7. С. 182.

⁶⁶ Там же. С. 189.

⁶⁷ Там же. № 8. С. 367.

Дунаю и вышел на так называемый Маслов курган, откуда ясно видны Журжа, Рушук, острова, между семи крепостями лежащие, и турецкая флотилия, стоявшая подле Рушука. Дунай протекал медленно; на нем не было ни одной лодки, в окрестностях не видно было ни одного плуга, который бы возделывал землю, война разогнала мирных жителей; на Масловом кургане казаки варили кашу, а подле гласиса (пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости – *О. Г.*) крепости турки в разноцветных одеждах косили сено»⁶⁸.

Описания Торнау, в противоположность первым, лишены романтизма. Это связано с тем, что написаны его воспоминания в свободном мемуарном стиле, который утвердился с 1830-х гг. Для него нехарактерно наличие четких границ между стилевыми манерами⁶⁹. Прапорщик отображал, преимущественно, не красивые виды, смакуя темноту леса или свет луны, а бытовые сложности этих видов. Здесь, скорее всего, помимо внутренних предпочтений, сыграли свою роль сложные условия службы, не оставлявшие времени для особой романтики. Вот, например, как Торнау описывал реки Княжеств.

«Самые значительные из них: Серет, между местечком Текуч и Фокшанами, Рымник и Бузео около городков того же имени, Аржис за Букарештом, и возле Слатины река Ольта, отделяющая Большую Валахию от Малой⁷⁰. Кроме Серета и Ольты, на которых существовали мосты, переправа через прочие речки производилась вброд. Вытекая из хребта Карпатских гор, отделяющего Трансильванию от Княжеств, эти реки разливаются по Дунайской равнине широкими руслами, образующими бесчисленное множество рукавов. Летом они не представляют ни малейшего препятствия: через них можно переходить пешком, имея воды не выше колена. Зато в сильный дождь, или весной, когда снег тает в горах, они, подобно всем горным потокам, наполняются огромною массой воды, стремящуюся к устью с головокруглительною быстротой, ворочая камни, и унося с собой все что попадетя на пути. Я проезжал в середине марта, в самое полновожье, и поэтому нагляделся вдоволь на весенние переправы через валахские реки. В это время они принимают особый характер: с девяти или десяти часов утра начинают наполняться, после полудня достигают высшей меры полноводия, а в ночь теряют более половины своей глубины. Лучшее время для переправы, днем положительно невозможной, есть раннее утро. Но и тогда можно переправлять тяжелые экипажи и повозки только на волах и буйволах, лошадей же перегоняли не запряженными. Не имеющие собственного экипажа перевозятся на высоких, необыкновенно тяжелых карудзах (тип повозки – *О. Г.*), запряженных десятью или двенадцатью парами скотины. Передовые волы уже касаются противоположного берега, когда карудза не опустилась еще в воду, и длинный цуг их, уступая напору воды, образует живую дугу, медленно влекущую за собой громадную колесницу, нагруженную людьми и кладью. Чем более груза на ней, тем лучше. Замечательно также,

⁶⁸ Там же. № 7. С. 197.

⁶⁹ *Томіліна*. 2004.

⁷⁰ Река Олт (Олтул) делит территорию Валахии на две части – Мунтению (Великая Валахия с центром в Бухаресте) и Олтению (Малая Валахия с центром в Крайове).

что самые незначительные из этих речек в летнее время, Рымник и Бузео, тем опаснее бывают весной. Сын знаменитого Суворова потонул в Рымнике, о котором отец писал, что «его курица может перейти вброд, не замочив хвоста»⁷¹. Дело в том, что полководец говорил о летнем Рымнике, а сын упорствовал применить слова отца к весеннему характеру реки, через которую стал переправляться под вечер, вопреки совету жителей, за что и заплатил жизнью. В рымникской церкви, видевшей славную победу отца над турками, поставлен скромный памятник преждевременно погибшему сыну»⁷¹.

Или – характерное описание дороги, резко отличающееся от такового у А. И. Михайловского-Данилевского:

«Дорога от Силистрии к Шумле пролегла по холмистой местности самого цветущего вида, чрезвычайно богатой лесом, позволявшим большую половину пути ехать в “холодку”, как говорят казаки, но принуждавшим в то же время быть весьма осторожным, чтобы неожиданно не наткнуться на неприятельскую засаду. Вопреки ожиданию, наше путешествие совершилось без приключения, в пролесках показывались иногда конные турки на весьма дальнем расстоянии и потом исчезали при виде казаков, не упуская случая отправиться за ними в погоню. Кроме этих редких встреч вся страна казалась совершенно безлюдною и представляла картину самого жалкого разорения: в брошенных жителями, полусгоревших селениях ни следа жизни, одни многочисленные стаи голодных, уродливых собак встречали нас с воем и с злобным лаем»⁷².

А вот как описывал Ф. Ф. Торнау впечатления от рекогносцировки Врацы: «Довольно крепкая цитадель и низенький плетневый бруствер⁷³ около внутреннего города, окруженного обширными, густыми садами, облегчали его оборону»⁷⁴ – и никаких восхищений природой.

Таким образом, личностные качества авторов воспоминаний проявились особенно ярко в следующих составляющих: 1) в характеристиках населения Дунайских княжеств и Османской империи; 2) во взглядах на свое место в войне; 3) в наблюдениях и описаниях местностей.

В текстах четко прослеживаются психологические, мировоззренческие и профессиональные личностные черты авторов, двух совершенно разных людей, в первую очередь, по психологическим характеристикам, обусловленным личным жизненным опытом. Импульсивность прапорщика контрастирует с размеренностью генерала. Здесь мы сталкиваемся с двумя типами аристократического мировоззрения и мировосприятия, которые можно условно назвать «консервативным» (Михайловский-Данилевский) и «либеральным» (Ф. Ф. Торнау).

⁷¹ Торнау. 2002. С. 21–22.

⁷² Там же. С. 69.

⁷³ Насыпь, предназначенная для удобной стрельбы, укрытия от пуль и наблюдения противника.

⁷⁴ Там же. С. 99.

Романтизм А. И. Михайловского-Данилевского и реализм (со значительной долей практицизма) Ф. Ф. Торнау в восприятии и изложении очень ярко иллюстрируют личности обоих авторов. Являясь противоположностями, они как бы дополняют друг друга. Различия в сознании между офицерами четко оттеняет тот факт, что свои воспоминания они писали примерно в одном возрасте, хотя и в разное время. Сравнение мемуаров показывает наличие между ними своего рода «конфликта поколений»⁷⁵. Он проявляется в стилевых особенностях, в восприятии мира, в оценках. Это был взгляд на войну двух разных поколений разных эпох. А. И. Михайловский-Данилевский представляется ярким образчиком начала XIX века, «александровской эпохи» с ее классицизмом и нарождающимся романтизмом в литературе, возвеличиванием Российской империи, совмещением конституционалистских, либеральных концепций с консервативными монархическими идеями. Ф. Ф. Торнау же, с его здоровым критицизмом и стремлением к реформам, хотя он и прожил наиболее активные годы своей жизни при правлении Николая I, правильнее отнести к представителям следующего царствования – Александра II. «Николаевская эпоха» – та точка, которая в некотором роде объединила авторов исследуемых воспоминаний. Оба они критично настроены по отношению к времени, когда Российское государство возглавлял Николай I, и этот настрой прослеживается в мемуарах. Однако такое отношение обусловлено разными причинами. Для Михайловского-Данилевского идеалом правителя был Александр I, что бросается в глаза по всему тексту его произведения. Не высказываясь прямо против нового императора, генерал постоянно с большим пиететом вспоминал о его предшественнике, как бы заочно противопоставляя их. Он с прохладцей отзывался о приближенных очередного монарха, о мерах полицейского надзора в армии, о генералах, неспособных занимать свои должности и пр. Критичность же Торнау относительно указанной эпохи есть, на наш взгляд, «продукт» последней. В ней проявилось то, что И. Л. Сироткина охарактеризовала как «диалог менталитетов». «Автор... – отмечала она, – предстает в мемуарах сразу в двух (а то и более) временах: времени описываемых событий и времени повествования. Налицо диалог культур, диалог времен, диалог менталитетов и т.п.»⁷⁶. Формируясь в рамках царствования Николая I, прапорщик не принимал многое, что было для этого режима характерно:

⁷⁵ Очень содержательно, правда, в другом контексте, конфликт поколений первой трети XIX в. прослежен у Н. Я. Эйдельмана (*Эйдельман*. 1990. С. 256–264).

⁷⁶ *Сироткина*. 2001. С. 230.

мелочные ограничения во всех сферах жизни, застой в военном искусстве, господство посредственностей и пр. Воспоминания указывают на начало становления мировоззренческих установок Торнау именно в кампании 1829 г., хотя выражал он их, уже будучи зрелым человеком, преимущественно в обобщениях и размышлениях, сопровождавших фактический материал.

Отсутствие глубокого анализа, резкость в суждениях, затушевывание отдельных моментов своей биографии у А. И. Михайловского-Данилевского контрастируют с аналитичностью, критичностью и откровенностью Ф. Ф. Торнау. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что записи генерала велись по свежим следам, а Ф. Ф. Торнау писал свои мемуары через десятилетия после описанных им событий, которые к тому времени устоялись, приобрели иной смысл.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский А.* Александр I. М.: Молодая гвардия, 2005. 444 с.
- Бескровный Л. И.* Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 453 с.
- Блуднова Е. Ю.* Мемуары Н. П. Игнатъева как исторический источник: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 216 с.
- Боджолян М. Т.* Реформы 20–30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. 155 с.
- Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org>
- Военный энциклопедический лексикон: В 14 ч. / Под ред. Л. И. Зедделера. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. Ч. 3. 639+10+9 с.
- Высочков Л. В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 693 с.
- Григорьева И. В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Высшая школа, 1984. 335 с.
- Гусев В. А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Тверской государственный ун-т, 2001. 235 с.
- Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1998. 702 с.
- Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. 130 с.
- Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.–Париж: Наука, 1970. С. 251–278.
- Єловських У.* Загальнотеоретичні питання вивчення мемуарів як історичного джерела: історіографія проблеми [Электронный ресурс]. – URL: www.history.org.ua/JournALL/sid/13/2/10.pdf
- Записки А. И. Михайловского-Данилевского* // Русская старина. 1893. № 7. С. 175–207; № 8. С. 356–387 // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm>
- Кинросс, лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-Пресс, 1999. 696 с.

- Колониальный менталитет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dorogadomoi.com/z41kol.html>
- Корендяева А. Н. История эволюции российского консерватизма в первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 228 с.
- Либерализм в России / Под ред. В. Ф. Пустарнакова, И. Ф. Худушиной. М.: ИФ РАН, 1996. 976 с.
- Либерализм Запада XVII–XX века / В. В. Согрин, А. И. Патрушев, В. С. Токарева, Т. М. Фадеева. М.: Ин-т всеобщей истории, 1995. 228 с.
- Либеральный консерватизм: История и современность: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Ростов н/Д., 25–26 мая 2000 г. / Отв. ред. А. И. Нарезный и В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2001. 382 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 2002. 413 с.
- Любовець Н. І. Вивчення мемуарів як історичного та біографічного джерела: до історіографії проблеми [Электронный ресурс]. – URL: www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Ub/2010_7/p05.pdf
- Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002. 357 с.
- Макарова С. Э. Ф. Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера [Электронный ресурс]. – URL: <http://fershal.narod.ru/Memories/Texts/Tornow/Makarova.htm>
- Макарова С. Э. Барон Торнау и его воспоминания: Вступ. ст. // Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. С. 5–30.
- Мальшикин С. А. История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описаний» войн России конца XXIII – начала XIX вв. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2000. С. 306–317.
- Миловидов Б. П. Русская армия и турки в 1828–1829 годах. Встречи после боя // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: КРАСАНД, 2009. С. 163–185.
- Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.
- Мишуков О. Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля. Лодзь: Ibidem, 2007. 247 с.
- Николай I и его время: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. Т. 1. 894 с.; Т. 2. 448 с.
- Новичев А. Д. История Турции: В 4 т. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. Т. 2. 280 с., 1973. Т. 3. 205 с.
- Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
- Рахимир П. Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 48–62.
- Репников А. В. Русский консерватизм: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]. – URL: http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/sb_cons1.html
- Сапожников А. И. Генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский: карьера военного историка // Новый часовой. 1997. № 5. С. 45–48.
- Сироткина И. Л. Культурологическое источниковедение: Проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию про-

- фессора М. С. Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 226–232.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. 588 с.
- Тарасов Б. Черты правления Николая I // Николай Первый. Рыцарь самодержавия: Сб. документов / Сост. Б. Тарасов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 3–65.
- Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика XX века // История СССР. 1979. № 6. С. 71–94.
- Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
- Томіліна Т. Ю. Російська воєнна мемуаристика першої третини XIX ст.: Автореферат дисертації ... кандидата філологічних наук. Херсон, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://librar.org.ua>
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау // Исторический вестник. 1897. № 1. С. 50–82; № 2. С. 419–447.
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. 368 с.
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 11–128 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/turk.htm>
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. 384 с.
- Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: курс лекций. М.: Высшая школа, 1999. 431 с.
- Труайя А. Александр I. Северный Сфинкс. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
- Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 396 с.
- Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 239–287.
- Цветков С. Александр I. М.: Центрполиграф, 2005. 211 с.
- Шевченко Т. Щоденник // Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. К.: Наукова думка, 2003. Т. 5 [Электронный ресурс]. – URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev501.htm>
- Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. 319 с.
- Яковина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции. СПб.: Лань, 2002. 160 с.
- Ясь О. В. Мемуари // URL: <http://www.history.org.ua/?l=EHU&verbvar=Memuary&abcvar=16&bbcvar=6>
- Ясь О.В. Мемуаристика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.history.org.ua/?l=EHU&verbvar=Memuarystyka&abcvar=16&bbcvar=6>
- Гоків Олег Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды; gokov_oleg@mail.ru